

15. Historia polityczna świata XX wieku 1901 - 1945 (pod. red. M. Bankowicza). Kraków, 2004. S. 448; Piekalkiewicz J. Op. cit. S. 69 - 70, 85.
16. Как это сделали с признанной им по соглашению от 28.IX.1939 частью территории Литвы - поветом Вылковышки, который "отдали" СССР за сумму 7,5 млн долл. (См. : Piekalkiewicz J. Op. cit. S. 64).
17. Pertek J. Op. cit. S. 129 - 130;
18. Historia polityczna świata XX wieku 1901 - 1945. S. 451.
19. Pertek J. Op. cit. S. 133.
20. Цит. по: Piekalkiewicz J. Op. cit. S. 206 - 207.
21. Цит. по: Idid. S. 206;
22. Piekalkiewicz J. Op. cit. S. 288;
23. Pertek J. Op. cit. S. 134;
24. Piekalkiewicz J. Op. cit. S. 218.
25. Ibid. S. 231.
26. Pertek J. Op. cit. S. 125, 149 - 150.

Ю. Л. Буянова.

Катынская кампания весны 1943 г.: ее причины и результаты.

«Центр тяжести нашей пропаганды в ближайшие дни будет и далее сосредоточен на двух темах: атлантический вал и большевистское гнусное убийство. Миру нужно показать на эти советские зверства путём непрерывной подачи всё новых фактов», - писал в апреле 1943 г. германский министр пропаганды Й. Геббельс /1/.

Близился коренной перелом в ходе войны, когда под Смоленском летом 1942 г. местная полька указала на катынские могилы полякам из организации Тодта, привезённым туда на строительные работы. Первый крест, первая фотография места массового захоронения польских военнопленных в Катынском лесу стали одним из свидетельств обнаружения как следов многих преступлений НКВД, в том числе и в Виннице, Одессе,

Харькове, так и одновременно свежих и явных погребений жертв эсэсовских расправ.

Советский простой человек ежедневно слышал по радио, читал в газетах, видел в кинохронике материалы о зверствах гитлеровцев. Польское население жадно выискивало на страницах выходивших иногда тиражами в десятки тысяч экземпляров газет скудную информацию о пленных и депортированных, рассеянных на огромных территориях Советского Союза. Следы многих из них затерялись, а слухи навевали тревогу.

В Польше росло национально-освободительное движение, укоренялись идеи единства в борьбе против гитлеровского фашизма, начались переговоры между двумя течениями Сопротивления. Оккупационные власти усилили террор для обеспечения «спокойствия» в тылу, провели аресты вдохновителей и участников переговоров.

В самой Германии весной и летом 1943 г. моральное состояние народа находилось в глубоком упадке. Африканский корпус был разгромлен, Северная Африка потеряна, в Сицилии высадились союзники, дивизии вермахта в России отступали, германские города подвергались постоянным бомбардировкам, продовольственные нормы приходилось то и дело снижать. Гитлер пребывал в полном неведении о настроениях, царивших в народе. Он считал, что если народ Германии не желает бороться не на жизнь, а на смерть, то пусть погибает.

Геббельс не мог смотреть на положение дел так просто. Он должен был проявить инициативу, как сделал это в дни, предшествовавшие катастрофе под Сталинградом. Ежедневно ему приходилось объяснять, успокаивать и ободрять людей. Обстановка настолько ухудшилась, что временно возбуждающих средств уже не хватало. В апреле 1943 г. Геббельс отметил в дневнике, что после Сталинграда Германия должна на востоке не только вести войну, но и заниматься политикой. Главным аргументом его пропаганды оставалась угроза большевизма - угроза не только Германии, но и всему миру. В своей статье под

названием «Европейский кризис», явно предназначенной для американского и британского читателя, он писал, что большевизм, однажды проникнув в Европу, станет подобен заразной болезни, и не стоит тешить себя надеждой, что красные со временем усвоят европейские нормы. «Если совершенно здоровый человек окажется в одной постели с больным тифом, он не передаст больному своё здоровье, а вот тифозный больной непременно заразит его» /2/. Этот образный довод повторялся во всевозможных вариациях на протяжении последующих нескольких недель, пока не было сделано неожиданное открытие, которое давало возможность развернуть уникальную пропагандистскую кампанию, что Геббельс и сделал с беспрецедентным размахом.

Этим открытием стало многотысячное захоронение польских пленных в Катынском лесу под Смоленском. Информация о нём позволяла нанести болезненный удар не только по настроениям польского населения в пользу антифашистской коалиции, но и по её слабому звену - отношениям между советским и польским правительствами. Имея в руках неоспоримые улики злодеяния НКВД, раскрыв перед мировым общественным мнением тщательно маскируемое преступление в отношении военнопленных, рейхсминистр не без основания надеялся, что если и не удастся путём острого советско-польского столкновения расколоть антигитлеровскую коалицию, то, по крайней мере, можно будет рассчитывать на возникновение серьёзных трений между её основными членами - СССР, США и Великобританией. «Катынская карта» явно была козырной, и Геббельс решил не расплываться на несколько захоронений жертв сталинского террора, но сосредоточился на одном объекте. Он имел немалые основания полагать, что Катынский расстрел может навсегда поспорить поляков с русскими, а такую перспективу приветствовал с огромной радостью. Это можно было прогнозировать с установлением масштабов экзекуции: с 29 марта проводилось предварительное раскрытие могил, за вознаграждение

собирались показания местного населения о курсировании автотранспорта, о свидетелях, слышавших выстрелы, об очевидцах.

13 апреля 1943 г. в 09.15 Берлинское радио сделало сообщение о находке недалеко от Смоленска массового захоронения польских офицеров, которые пропали в Советском Союзе три года назад. Вина за преступление возлагалась на органы ГПУ, называлась предварительная цифра расстрелянных - около 10 000 человек /3/.

Это сообщение, поразившее весь мир подобно взрыву бомбы, предварялось бешеной активностью пропаганды Геббельса.

На пресс-конференции Геббельс прочитал немецким журналистам и радиокорреспондентам пространную лекцию, объясняя, каким образом эту историю следовало преподнести народу Германии. Например, он говорил, что хочет «оставить за собой право на использование этого материала для нужд внутри страны, чтобы население при известных условиях смогло сделать выводы об обращении большевиков с немецкими военнопленными. Для заграницы дело абсолютно свободно» /4/. Нацисты ухватились за великолепный шанс организовать сенсационную шумную кампанию с использованием кино, радио и печати, с доставкой на место многочисленных групп свидетелей из Польши, военнопленных из лагерей - польских, английских, французских, американских. Первая польская группа была доставлена ещё до объявления по радио.

В Катынский лес возили жителей Смоленска, журналистов из «нейтральных» стран, рабочих с предприятий Западной Польши.

Геббельс выдвинул лозунг «Нам нужна правда!» и добивался полной гласности, будучи заинтересованным в том, чтобы идентификация была проведена. Материалы её (в частности, списки опознанных) стали систематически появляться в пропагандистских целях в выходивших под немецким контролем изданиях - в том числе на территории Польши.

Когда представители польской интеллигенции, подполья, организационной опеки, весьма недоверчиво воспринявшие немецкие пояснения как пропаганду, заметили гильзы и пули германского производства, это не на шутку встревожило рейхсминистра, опасавшегося, что этот факт может поставить под сомнение всю антисоветскую акцию. Берлинское радио немедленно напомнило о поставках боеприпасов в СССР, Польшу и Прибалтику 1935 - 1936 гг. Между тем даже Муссолини не спешил верить Геббельсу: итальянское министерство народной культуры советовало журналистам не затрагивать катынскую тему и не откликаться на новые разоблачения.

Стремясь убедить мир в своей объективности, лидеры Третьего Рейха через нейтральные страны предложили польскому правительству указать эксперта, который мог бы контролировать работу международной комиссии экспертов. Гимлер даже предлагал пригласить в Катынь через Испанию Сикорского, обеспечив ему все гарантии безопасности. Однако этому категорически воспротивился Риббентроп, отвергая любые контакты с польским правительством и поставив этот принцип выше интересов пропаганды. Геббельс и без этого видел огромные пропагандистские возможности катынской трагедии и требовал, чтобы любое комментирование документов и событий, связанных с Катынью, согласовывались с ним. Он считал, что «дело протекает чрезвычайно счастливо для нас и может при случае повлечь за собой последствия, которые сейчас совершенно нельзя себе представить. Всё это дело является не просто делом так называемой пропаганды ужасов, но оно развилось в государственную акцию высокой политики». Поэтому он настаивал: «Мы должны действовать с величайшим постоянством и, как репей, не отставать от противника» /5/.

Проводимые с немецкой дотошностью эксгумационные работы были обставлены привлечением компетентных комиссий - немецкой во главе с известным специалистом профессором Г. Бутцем и международной комиссии представителей институтов

судебной медицины и криминалистики. Последняя была составлена из видных учёных двенадцати стран: оккупированных или зависимых от Германии Бельгии, Болгарии, Венгрии, Голландии, Дании, Италии, Румынии, Финляндии, Франции, Чехословакии (из Праги и из Братиславы), Югославии (Хорватии), а также из Швейцарии. Значительную часть работ проводила так называемая Техническая комиссия Польского Красного Креста, действия которой контролировали немцы.

Международная комиссия экспертов работала с 28 по 30 апреля 1943 г. Комиссия Польского Красного Креста при-была в Катынь 29 апреля и работала до 3 июня. Именно польская комиссия опровергла утверждение гитлеровцев, якобы в Катыни было захоронено 12 тысяч жертв: из могил было извлечено 4143 трупа из 4403, как теперь известно. Было опознано 2815 останков, из них 2730 - с полным обоснованием /6/. Техническая комиссия отказалась указать в протоколах цифру 12.000, несмотря на угрозу физической расправы над одним из её членов М. Водзиновским. Польские эксперты настаивали на том, что в Катынских могилах лежат узники только Козельского лагеря. Теперь это доподлинно известно и доказано документами.

Ответ СССР последовал только 15 апреля. Сначала это была передача Московского радио, затем, на следующий день текст этой передачи был помещен в газете «Правда». В убийстве польских офицеров обвинялись немцы, которые якобы захватили в плен польских офицеров летом 1941 г. при вступлении соединений вермахта в район Смоленска.

Правда была нежелательна как руководству СССР, так и союзникам. У. Черчилль и Ф. Рузвельт отлично понимали цели катынской акции немцев и не могли допустить развала антигитлеровской коалиции. Всё остальное должно было отступить на второй план.

Польское правительство в изгнании 17 апреля обратилось в Международный Красный Крест с просьбой расследовать гибель офицеров в Катыни. В тот же день в МКК обратилась и

германская сторона. Советское руководство, воспользовавшись этим одновременным обращением, обвинило правительство Сикорского в сговоре с нацистским руководством Германии. 19 апреля в «Правде» была опубликована статья «Польские сотрудники Гитлера», где поляки обвинялись в потворстве геббельсовской провокации и одновременно была изложена советская версия событий. 21 апреля ТАСС опубликовало заявление, в котором подчеркивалось, что вышеназванная статья «Правды» от 19 апреля полностью отражает позицию руководящих советских кругов в данном вопросе.

В тот же день Сталин направил послания Рузвельту и Черчиллю с изложением своей позиции по Катынскому делу и с сообщением о намерении разорвать отношения с польским правительством в Лондоне /7/.

Черчилль и Иден пытались удержать Сталина от этого шага, Черчилль писал, что не верит в сговор поляков с немцами, Иден встречался с представителями польского правительства... . Всё оказалось напрасным. 25 апреля 1943 г. польскому послу в Москве была вручена нота о разрыве отношений.

В заключение хочется отметить следующее:

- и немецкая, и советская сторона понимали исключительную политическую важность катынского дела и не могли остаться в стороне, не организовать пропагандистских акций; с другой стороны, если бы немецкая пропаганда не начала разрабатывать катынское дело, скорее всего, Советский Союз вообще предпочёл бы о нём умолчать, как сделал это в последующие годы, значит, о Катыни советская пропаганда говорила вынужденно;

- для немцев Катынь была пропагандой ужасов, антибольшевистской кампанией, для СССР - оправдательной, в тоже время была совершена попытка обвинить германские власти в расстреле поляков;

- Сталин в свою очередь использовал Катынь для того, чтобы обвинить польское эмигрантское правительство в сговоре с немцами и разорвать отношения с кабинетом Сикорского, так как

такое правительство было крайне неудобным для Сталина, а он уже тогда вынашивал план создания нового польского правительства, более лояльного к Советскому Союзу;

- как немецкая, так и советская катынские кампании были проведены с использованием новейших средств: кино, радио и печати - что говорит о важности этих кампаний;

- ключевым моментом в организации всего дела с одной и другой стороны стало создание комиссий для расследования, о деятельности которых писали газеты, результаты работы которых также отражались в газетах, кино также снималось на месте действия этих комиссий;

- именно на основе различных выводов комиссий, приглашённых в Катынь немцами, и советской комиссии под руководством Н. Н. Бурденко, строился спор, развёрнутый в последующие годы и продолжающийся до сих пор.

1. Цит. по: Бабий Яр под Катынью? // Военно-исторический журнал. 1990. № 12. С. 31.
2. Цит. по: Рисс К. Геббельс: Адвокат дьявола. М., 2000. С. 364.
3. Полный текст сообщения приводится в сборнике документов: Катынь: Март 1940 - сент. 2000: Расстрел: Судьбы живых: Эхо Катыни. М., 2001. С. 447.
4. Российский государственный военный архив. Ф. 1363к. Оп. 4. Д. 27. Л. 6.
5. Военно-исторический журнал. 1990. №12. С. 33.
6. Яжборовская И. С., Яблоков А. Ю., Парсаданова В. С. Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М., 2001. С. 156.
7. См. подробнее: Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941 - 1945 гг. М., 1957. Т. 1. 120 - 121. и Т. 2. С. 59 - 62.